

УДК 325.3:910.4(984)"15/17"
DOI: 10.17223/19988613/49/14

В.Л. Державин, В.Ф. Старков

ПРОБЛЕМЫ ОСВОЕНИЯ МОРСКОГО ПОБЕРЕЖЬЯ И ОСТРОВОВ ЕВРОПЕЙСКОЙ АРКТИКИ В XVI–XVIII вв.

Статья выполнена в рамках НИР «Культура Московской Руси и ее истоки»_0176-2014-0007Э.

Основываясь на археологических и письменных данных, авторы рассматривают вопросы о времени и путях колонизации поморами отдаленных территорий Европейской Арктики в XVI–XVIII вв. и приходят к выводу о выходе русских к Северному Ледовитому океану не ранее XIV в. Европейцы в попытках открыть северо-восточный проход организовывали морские экспедиции, но все они оказались неудачными, в связи с тем что они, по нашему мнению, не были знакомы с ледовыми условиями в полярных морях в отличие от поморов. Но их попытки привели к открытию обширного российского рынка, формированию китобойного промысла у Шпицбергена и развитию европейской картографии полярных регионов.

Ключевые слова: северо-восточный проход; колонизация; китобой; Поморье.

Начало колонизации арктических островов русскими относится к XVI в. В это время европейскими государствами предпринимались многочисленные и безуспешные попытки отыскать северо-восточный и северо-западный морские проходы. Одновременно с арктическим мореплаванием стремительно развивалась европейская картографическая наука, результатом чего стало появление большого количества карт с изображением полярных регионов Старого Света, включая Русский Север и Сибирь. Причем сами картографы принимали активное участие в разработке маршрутов этих экспедиций.

Однако выход русских к берегам Ледовитого океана произошел раньше – в XIV–XV вв., что достоверно задокументировано. А вот проникновение новгородцев на территорию Поморья относят обычно к XII–XIII вв. Одним из активных сторонников подобного взгляда был историк С.Ф. Платонов, хотя документальных источников для обоснования такой даты он не приводит. Однако В.Ю. Визе справедливо полагал, что время выхода русских людей «к берегам Белого моря пока установить не удалось» [1. С. 19].

Продвижение русских в приполярные области Русского государства в эпоху позднего Средневековья и Нового времени шло в двух основных направлениях: а) северное, затрагивающее арктические острова и ими же ограниченное (Шпицберген, Медвежий, Колгуев, Новая Земля); б) восточное, охватывавшее север Сибири, далее Камчатку и Русскую Америку. Этот процесс растянулся на несколько столетий, завершившись лишь в первой четверти XIX в. на американском континенте.

Промысловая колонизация Новой Земли (Матки), а затем и Шпицбергена (Груманта), куда поморы, начиная с XVI в., уходили на отхожие промыслы, представляет особый интерес. Правда, вопрос о раннем появлении поморов на Шпицбергене, т.е. до открытия архипелага Баренцем в 1596 г., вызывает критику у многих зарубежных исследователей (Я. Хохоровский, Л. Хакеборд, Т. Хелтгрен, А. Кравчик, Т. Арлов, М. Ясински),

считающих, что плавания русских промышленников на Грумант можно уверенно отнести лишь к началу XVIII в. Ранние датировки промысловых построек Шпицбергена опираются в основном на данные дендрохронологии, интерпретацию которых, однако, зарубежные археологи ставят под сомнение [2. С. 94–101]. К их точке зрения в своих последних работах стал склоняться и О.В. Овсянников, начинавший вместе со В.Ф. Старковым раскопки поморских памятников архипелага [3. С. 23].

Что касается Новой Земли, то археологические исследования, подобные тем, что велись на Шпицбергене, там практически никогда не осуществлялись, кроме эпизодических разведок в 90-е гг. прошлого столетия, выявивших лишь поздний материал (XIX – начало XX в.). Исключением можно считать только раскопки зимовья Баренца, которые проводились русско-голландской экспедицией в 1993 и 1995 гг. [4]. Поморские памятники Новой Земли оказались не исследованными по причине засекреченности региона. Тем не менее по письменным источникам известно, что, по крайней мере, с середины XVI в. там уже промышленляли поморы [5. С. 107]. В конце того же столетия экспедиция Баренца застала на юге западного побережья Новой Земли русское становище, а на 76° северной широты – поклонные православные кресты.

Огромное значение в деле освоения Русского Севера имела монастырская колонизация, которая порой опережала промысловую (Валаамский, Трифоно-Печерский, Соловецкий и другие православные обители). Их основателей в опасные северные дебри и тундру влекли не только тяга к отшельнической жизни, но и миссионерское призвание [6. С. 134–135].

В XVIII в. организация звериных промыслов на Шпицбергене и Новой Земле претерпевает значительные изменения. Поморы переходят от сезонных промыслов к круглогодичным, а небольшие становища сменяют крупные охотничьи станции. Источники также свидетельствуют о том, что одни и те же промысловики

регулярно ходили как на Новую Землю, так и на Шпицберген: старовер Даниловой (Выговской) пустыни Амос Корнилов, мезенский промышленник Алексей Химков, старовер с Онеги Иван Рогачев и многие другие.

Зимовки поморов на архипелагах Арктики не были редкостью, хотя далеко не все заканчивались благополучно. В первую очередь их трагический исход был обусловлен тяжелыми климатическими условиями, в которых они проходили. В середине XVIII – первой половине XIX в., по данным гляциологов, восточная часть Северной Атлантики характеризовалась пиком Малого Ледникового периода (МЛП), который во многом предопределял драматический исход подобных зимовок. Его жертвами становились многие промысловые артели, а также европейские китобойные суда [7. С. 23].

В этой связи интересно сопоставить хронологические фазы пиков МЛП Шпицбергена и Новой Земли с подобными климатическими катаклизмами Гренландии, где, по данным изотопии ледниковых кернов, он начался почти на 250 лет раньше, чем в восточной Приатлантической Арктике. Именно с ними исследователи связывают гибель нормандских поселений на юго-западном побережье Гренландии [8. С. 123–124]. Фьорды же архипелагов Шпицберген и Новая Земля на протяжении длительного времени не были так прочно заблокированы льдами, что давало поморам-промышленникам шанс вернуться домой, хотя они и оказывались часто в сложнейших климатических ситуациях.

Аналогичные сведения, относящиеся к тому же времени, получил и М.В. Ломоносов от поморов, вызванных в Петербург для дачи показаний перед отправкой судов экспедиции В.Я. Чичагова. Упомянувшийся выше старовер Выговской пустыни Амос Корнилов в 1749 г. рассчитывал поначалу отправить свое судно к Новой Земле (по другим сведениям – на Западный Шпицберген), но из-за сложной ледовой обстановки развернул его к острову Эдж (Восточный Шпицберген), где спас трех мезенских поморов, случайно оказавшихся на нем и вынужденно зимовавших там долгие шесть лет.

О плавании староверов к Шпицбергену и Новой Земле свидетельствуют не только письменные источники, но многие археологические находки и надписи на крестах. Сейчас на Шпицбергене известно не менее 15 памятников, которые с полным основанием можно связать со староведами, хотя на самом деле их значительно больше. Среди археологических находок следует выделить изделия мелкой металлопластики, отлитые в традициях Даниловой (Выговской) пустыни, деревянные предметы культового назначения, бытовые надписи с использованием старых букв алфавита, вышедших из употребления в результате петровских реформ, но используемых староведами.

Поморские кресты известны не только из письменных источников, но и по рисункам путешественников и ученых XVIII–XIX вв. В настоящее время на Шпицбергене в Мёрчисон-фьорде (80° с. ш.) возвышаются последние два пятиметровых креста, датированных

XVIII в., один из них, судя по надписям, может быть старообрядческим [9. С. 102]. В этой связи нельзя не обратить внимания на значительный вклад староверов в колонизацию Шпицбергена (а также Новой Земли) в XVIII в., что в целом очевидно для Русского Севера. Вместе с тем исследователи раньше почти не придавали значения старообрядческому фактору, за исключением двух скандинавских исследователей XIX в. – Б. Кейльхау и В. Карлхейм-Гюлленшельда [10. С. 109, 112].

Очень важен вопрос о морских ходах. Данная проблема довольно обстоятельно рассматривается в работах В.Ф. Старкова, который выделяет несколько ходов: немецкий ход, ведущий из устья Северной Двины на запад вдоль северного Мурмана в Европу; Новоземельский; Мангазейский; два Енисейских хода, один из которых комбинированный (морской в сочетании с водно-волоковым); Верхотурский (речной) и «Груманландский» [11. Рис. 1]. Следует отметить, что Мангазейский ход являлся начальным звеном Енисейского хода. Именно по ним осуществлялись продвижения поморов и служилых людей в северном и восточном направлениях. Классификация морских ходов, введенная в научную литературу В.Ф. Старковым, признается не всеми исследователями. Так, О.В. Овсянников и норвежский археолог польского происхождения М. Ясински утверждают, что никакого «груманландского» хода в русских источниках не встречается, а Шпицберген как промысловый район до конца XVII в. вообще не известен в документах [3. С. 282].

В этой связи надо подчеркнуть, что первое упоминание о поморах на Шпицбергене в дневниках европейских китобоев относится к 1697 г., когда голландские военные корабли взяли под охрану китобойные суда в заливе Беллсунн, а заодно и несколько русских лодий, защитив их от нападения французской эскадры в ходе так называемых китовых войн [12. С. 225–226]. Необходимо обратить внимание на то, что в русских письменных источниках XVI–XVII в. такие географические понятия, как Грумант или Шпицберген, в отличие от Новой Земли, вообще отсутствуют. Предметы же промысловой культуры поморов достаточно консервативны, поэтому хронологически отличить находки XVI в., например, от XVIII в. пока не представляется возможным. Керамического материала со становившихся Шпицбергена также мало, что могло бы кое-что прояснить в этом непростом вопросе.

В целом освоение промысловых территорий на материковом Русском Севере проходило в XV в., а полярные морские экспедиции промышленников стали отправлять на арктические острова с XVI в. В это же время русские суда уже тогда проходили через проливы о. Вайгач, а затем достигали устья сибирских рек. Одновременно европейские мореплаватели в попытках открыть северо-восточный проход никак не могли преодолеть проливы Вайгача, что объясняется незнанием ими ледовых условий в Баренцевом и Карском морях. Европейцы выходили из незамерзающих гаваней северной Европы в мар-

те – мае, поэтому оказывались в Баренцевом море слишком рано, когда проливы были еще закрыты льдом, или, напротив, слишком поздно, когда лед их уже блокировал. Поморская навигация начиналась значительно позже: в конце июня – начале июля. Хотя иногда выпадали такие годы, когда и русские суда были не в состоянии пройти проливы Вайгача, из-за чего вынуждены были оставаться на зиму в Пустозерске.

После очередной неудачной английской экспедиции 1676 г. европейцы практически прекратили поиски северо-восточного прохода. Об этом свидетельствует документ последней четверти XVII в. иностранного происхождения, специально переведенный для царя Алексея Михайловича. Он окончательно подводит итог безуспешным попыткам европейских штурманов открыть морской проход, о чем говорит название самой росписи: «Описание чего ради невозможно от Архангельского города морем проходить в Китайское государство и оттоле в восточную Индию» [13. С. 64–66].

Голландец Н. Витсен, напротив, подмечал, что «москвиты <...> ежегодно выезжают из Архангела и Мезени на промысел моржа к наружному и внутреннему берегам Новой Земли, иногда проходят мимо Оби примерно на 40 миль до реки Енисея». Англичане и голландцы, а тем более поморы, не ставили перед собой задачу присоединения далеких арктических островов к своим метрополиям. Суровый климат не позволял там вести какие-либо формы производящего хозяйства. Да и автохтонного населения, которое можно было бы поставить в податную зависимость, там не было [14. С. 192].

Шпицберген и северный остров Новой Земли расположены в арктическом поясе, для которого характерны ледяные пустыни. В то же время прибрежная полоса Крайнего Севера, а также южный остров Новой Земли относятся к субарктике с типичной для нее тундровой растительностью, в условиях которой «малые народы» – саамы и ненцы – имели возможность заниматься оленеводством, т.е. производящим хозяйством. В этом заключается принципиальное отличие обеих климатических зон.

Поэтому незаселенные полярные острова европейцы рассматривали как временный сырьевой придаток своих метрополий, пока последние нуждались в биоресурсах подобных территорий. Но при явном их истощении или замещении продукции эквивалентным сырьем (например, слоновым бивнем, заменившим в Европе моржовый клык) китобойи утрачивали к ним меркантильный интерес из-за очевидной нерентабельности самих промыслов или по причине перемещения их в иные регионы.

В географическом отношении полярные экспедиции европейцев в XVI–XVIII вв. носили преимущественно рекогносцировочный характер, как и большинство аналогичных плаваний, конечная цель которых все-таки сводилась к приобретению новых земель. Вот почему англичане и голландцы прикладывали колоссальные усилия, чтобы пробиться через чрезвычайно опасные полярные моря в Индию и Китай, южные пути к кото-

рым были перекрыты Испанией и Португалией. Добившись на ниве судостроения существенных успехов, что стало залогом создания мощных флотов, северные государства Европы приступили к основанию собственных колониальных империй. В связи с этим мало значащие для них полярные земли, сыгравшие когда-то определенную роль в их экономическом становлении, в результате оказались владениями более слабых государств (Дания, Швеция, Норвегия), не успевших или не способных, в силу определенных исторических факторов, принять участие в крупных «географических открытиях», а следовательно, и разделе мира.

Суть изложенного можно подытожить следующими соображениями, которые нуждаются в дальнейшей разработке.

1. Пока точно не известно, когда русские первопроходцы впервые вышли на берега Ледовитого океана. Можно говорить лишь о постепенном освоении Русского Севера и Сибири. Эта колонизация имела два основных направления – северное и восточное. Если в первом случае она носила преимущественно промысловый характер, то во втором – фискальный, цель которого заключалась в приведении в податную зависимость местного населения. Особенности монастырской колонизации также следует учесть при рассмотрении этой проблемы.

2. Дискуссионным остается вопрос об открытии Шпицбергена (Груманта) в добаренцев период, несмотря на популярную версию о раннем появлении на архипелаге поморов. Настоящее предположение, однако, не затрагивает историю Новой Земли, где следы пребывания поморов зафиксированы в европейских и русских документах, по крайней мере, с середины XVI в.

3. Вопрос освоения поморами островов европейской Арктики в XVIII – первой половине XIX в. неразрывно связан с судьбами старообрядчества на Русском Севере. На основании письменных источников и археологического материала роль Даниловой пустыни можно считать определяющей, хотя на отхожие промыслы уходили также представители иных толков раскола, а также и официальной Церкви.

4. Трагическая гибель ряда артелей на Шпицбергене и Новой Земле во время зимовок во второй XVIII – начале XIX в. была во многом обусловлена пиком Малого ледникового периода. В Гренландии МЛП, ставший причиной гибели обитателей поселений викингов, основанных еще в конце X в., завершился почти на четверть тысячелетия раньше.

5. Все попытки европейских мореплавателей отыскать северо-восточный проход оказались безуспешными. Причина их неудач крылась в незнании ледовых условий и правильных сроков навигации в Баренцевом и Карском морях. Напротив, сроки поморской навигации позволяли русским судам из Поморья проходить за Вайгач далеко на восток вплоть до Енисейского устья.

6. Пытавшиеся найти северо-восточный проход европейцы, хотя и не достигли поставленной цели, но откры-

ли в XVI в. обширный русский рынок, благодаря чему оказались у Шпицбергена, где занялись китобойным промыслом, сыгравшим важную роль в экономике стран Северной Европы. Кроме того, полярные экспедиции XVI–XVII вв. придали мощный импульс развитию европейской картографии, в том числе и Русского Севера.

7. Ведущие государства Европы (Англия, Нидерланды), подорвав экологию полярных островов, отрицаясь, в частности, в резком сокращении популя-

ции гренландских китов и моржей, оставили эти земли более слабым скандинавским странам и России. Присоединять необитаемые арктические территории им уже не имело смысла, поскольку необходимые морские биоресурсы, актуальные в XVII–XIX вв., были почти исчерпаны, а для промышленной разработки минерального сырья (газа и нефти) на островах Арктики и шельфа еще не созрели соответствующие условия.

ЛИТЕРАТУРА

1. Визе В.Ю. Моря российской Арктики. М.: Паулсен, 2008. Т. I. 339 с.
2. Chochorowski J. Problems of the dendrochronology of Russian hunting stations of Spitsbergen. Krakow, 1999. 104 p.
3. Ясински М.Э., Овсянников О.В. Пустозерск. Русский город в Арктике. СПб.: Петербургское Востоковедение, 2002. 400 с.
4. Старков В.Ф., Державин В.Л. Экспедиция Виллема Баренца на Новой Земле (1596–1597 гг.). М.: Научный мир, 2003. 212 с.
5. Английские путешественники в Московском государстве в XVI в. М.; Л.: Главсевморпуть, 1937. 308 с.
6. Любавский М.К. Историческая география России в связи с колонизацией. СПб., 1909. 302 с.
7. Миллер Г.Ф. Сочинения по истории России. Избранное. М.: Наука, 1996. 448 с.
8. Корякин В.С. Ледники Арктики. М.: Наука, 1988. 158 с.
9. Державин В.Л. Старообрядчество Шпицбергена по археологическим и письменным данным // Материалы XIII конференции «Комплексные исследования природы Шпицбергена и прилегающего шельфа». 2–4 ноября 2016. Ростов н/Д: Изд-во ЮНЦ РАН, 2016. Вып. 13. С. 100–107.
10. Старков В.Ф. Первые раскопки на архипелаге Шпицберген. М.: Таус, 2011. 127 с.
11. Старков В.Ф. Очерки истории освоения Арктики. Русский Север в картографии XVI–XVII вв. М.: Профессионал, 2012. Т. III. 120 с.
12. Conway M. No Man's Land. Cambridge, 1906. 378 p.
13. Державин В.Л. Северный Мурман в XVI–XVII вв. М.: Научный мир, 2006. 143 с.
14. Черносвитов П.Ю. К вопросу о различных видах колонизации территорий // Очерки истории освоения Шпицбергена. М.: Ин-т археологии СССР, 1990. С. 182–205.

Derzhavin Viktor L. Institute of Archaeology Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia). E-mail: derzh@yandex.ru ; *Starkov Vadim F.* Institute of Archaeology Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia). E-mail: starko-vadim@yandex.ru

PROBLEMS OF DEVELOPMENT OF THE SEA COAST AND ISLANDS OF THE EUROPEAN ARCTIC IN THE 16TH – 18TH CENTURIES.

Keywords: Northeastern passage; colonization; whalers; Pomorie.

Russian pioneers first came to the shores of the Arctic Ocean in the 14th century. There is no evidence of earlier dates. We can only talk about development (that is settlement in the area and expansion to) of the Russian North and Siberia. This colonization had two main geographical directions – northern and eastern. In the first case it had industrial nature, in the second – fiscal one, it was aimed to subject local population to tax-collection. An important role was played by colonization by monasteries that sometimes outpaced industrial colonization. The matter of the discovery of Svalbard by the Pomors before Barents remains controversial and needs reinforcement with new facts. But appearance of Russian industrialists on Novaya Zemlya can be reliably attributed to the 16th century, it is confirmed by European and Russian written sources. Development of the islands of the European Arctic by the Pomors in the 18th – first half of the 19th century is inextricably linked with the Old Believers of the Russian North. On the basis of written and archaeological sources role of the “Danilova” hermitage (“Danilova pustyn”) in this matter appears to be crucial. Although seasonal industrial expeditions involved members of other split sects as well as representatives of the official Church. Loss of many artels on Svalbard and Novaya Zemlya during the wintering in the second half of 18th and earlier half of 19th centuries is largely explained by the peak of the Little Ice Age (LIA). In Greenland, it ended nearly 250 years earlier becoming the main cause of downfall of Norman settlements. Attempts by European seafarers of 16th – 17th centuries to discover the Northeastern passage were entirely unsuccessful. The reason of their failure was lack of knowledge of ice conditions in the Barents and Kara seas, which was well known to the Pomors. That allowed Russian ships from Pomorie to pass Vaigach eastward up to the Yenisei estuary. On the other hand, though the Europeans did not achieve their goal, they succeeded in entering in the 16th century vast Russian market. And thanks to the voyages near the coasts of Russia they soon found themselves in the waters of Svalbard, where they established economically profitable whaling. Polar expeditions of the 16th – 17th centuries also gave a powerful impetus to the development of European cartography. After stopping the search for the Northeastern passage and abandoning whaling, Europeans (the British and the Dutch) left the Arctic without attempting to annex polar territories as colonies to their metropolias.

REFERENCES

1. Vize, V.Yu. (2008) *Morya rossiyskoy Arktiki* [The seas of the Russian Arctic]. Vol. 1. Moscow: Paulsen.
2. Chochorowski, J. (1999) *Problems of the Dendrochronology of Russian Hunting Stations of Spitsbergen*. Krakow: Oficyna Cracovia.
3. Yasinski, M.E. & Ovsyannikov, O.V. (2002) *Pustozersk. Russkiy gorod v Arktike* [Pustozersk. A Russian City in the Arctic]. St. Petersburg: Peterburgskoe Vostokovedenie.
4. Starkov, V.F. & Derzhavin, V.L. (2003) *Ekspeditsiya Villema Barentsa na Novoy Zemle (1596–1597 gg.)* [Willem Barents' Expedition to the New Earth (1596–1597)]. Moscow: Nauchnyy mir.
5. Rubinstein, N.L. (ed.) (1937) *Angliyskie puteshestvenniki v Moskovskom gosudarstve v XVI v.* [English Travelers in the Moscow State in the 16th century]. Translated from English by Yu. Gotie. Moscow; Leningrad: Glavsevmorput'.
6. Lyubavskiy, M.K. (1909) *Istoricheskaya geografiya Rossii v svyazi s kolonizatsiey* [Historical Geography of Russia in Connection with Colonisation]. St. Petersburg: Tipo-Litografiya.
7. Miller, G.F. (1996) *Sochineniya po istorii Rossii. Izbrannoe* [Works on the History of Russia. Selected Works]. Moscow: Nauka.

8. Koryakin, V.S. (1988) *Ledniki Arktiki* [The Arctic Glaciers]. Moscow: Nauka.
9. Derzhavin, V.L. (2016) [Old Believers of Svalbard according to archaeological and written data]. *Kompleksnye issledovaniya prirody Shpitsbergena i prilegayushchego shel'fa* [Comprehensive Studies of the Nature of Spitsbergen and the Adjacent Shelf]. Proc. of the 13th Conference. Rostov-on-Don. November 2–4, 2016. Rostov-on-Don: YuNTs RAS. pp. 100–107. (In Russian).
10. Starkov, V.F. (2011) *Pervye raskopki na arhipelage Shpitsbergen* [The First Excavations on the Spitsbergen Archipelago]. Moscow: Taus.
11. Starkov, V.F. (2012) *Ocherki istorii osvoeniya Arktiki. Russkiy Sever v kartografii XVI–XVII vv.* [Essays on the History of the Development of the Arctic. Russian North in Cartography of the 16th – 17th centuries]. Vol. 3. Moscow: Professional.
12. Sonway, M. (1906) *No Man's Land*. Cambridge: Cambridge University Press.
13. Derzhavin, V.L. (2006) *Severnnyy Murman v XVI–XVII vv.* [Northern Murman in the 16th – 17th centuries]. Moscow: Nauchnyy mir.
14. Chernosvitov, P.Yu. (1990) K voprosu o razlichnykh vidakh kolonizatsii territoriy [On different types of colonisation]. In: Starkov, V.F., Rozenfeld, R.L. & Zavyalov, V. I. *Ocherki istorii osvoeniya Shpitsbergena* [Essays on the History of Spitsbergen Development]. Moscow: Institute of Archeology of the USSR. pp. 182–205.